

СРЕДИ СЧАСТЛИВЫХ ЛЮДЕЙ

ТВ

Любовь КАБО

ЗАМЕТКИ
ПИСАТЕЛЯ

«П АМЯТЮ пяти животных, навеки исчезнувших с лица земли по вине человека. Памятью зебры квагги, тура, шерстистого носорога, стеллеровой коровы, степного тарпана — клянусь беречь все живое на земле». Вот какую клятву произносят ребята, вступающие в КЮБИЗ — Клуб юных ботаников и зоологов, организованный при одной из наших школ. Рассказали об этом клубе сценарист И. Зюзюкин и режиссер С. Зеликин в телевизионном фильме «Гармаев и другие». Вместе с членами этого клуба мы озабоченно подсчитываем, что 105 опытов для решения поставленной проблемы маловато, и надо работать еще. 105 — маловато! Вместе с ними, покорителями Мологи и Байкала, высаживаемся на крошечной заповедной станции Куна и идем к далекому озеру, на берега которого еще не ступала нога человека.

Я не оговорила, именно так: мы все делаем вместе с ними. Эффект присутствия в этой картине абсолютный. Нас ко многому приучила скрытая камера, но при чем же здесь скрытая камера, как ее скрыть, например, на болоте, где все вытаскивают всех, — и кинематографистов, очевидно, в том числе, — когда кто-то из мальчиков, с трудом выдирая из болота ноги, рассеянно бормочет: «За что вы Ваньку-то Морозова...» Или в московской квартире, где идет доверительный и в то же время сбивчивый разговор о любви, и девочка пренебрежительно осаживает оппонента: «А ты вообще еще не влюблялся...» Мы спрашивали создателей фильма: «Вы что — притворились почками на болоте, рисунком на обоях?» Они отвечают: «Просто — жили рядом». Или, как сказал С. Зеликин: «Полтора года провел среди счастливых людей.»

Вот один из таких сча-

стливцев: руководитель КЮБИЗа Гармаев. Аспирант, преподававший одновременно в школе. Из школы пришлось уйти — продолжал руководить клубом на общественных, так сказать, началах.

Вот он сидит на пригорке, легонько отмахивается — то ли от комаров, то ли от испытующих вопросов. Его спрашивают: «А не было ли обидно? Не понимали, дергали по мелочам?» Гармаев бережно оправдывает тех, кто его не понимал и дергал. Он ни на что не жалуется, и прежде всего потому, что ему попросту некогда.

«Зачем это все детям, зачем — вам? — спрашивают создатели фильма у родителей. — Ваши дети обязательно будут биологами?» Оказывается, вовсе нет, — будут теми, кем захотят быть. Но родители довольны: их дети уже сейчас живут осмысленной, трудовой жизнью, полной в то же время интереснейших впечатлений, о которых тоскует юность, и кем бы они ни стали дальше, уже сейчас приучаются к ответственности за порученное дело, к работе сообща.

И, казалось бы, все хорошо. В пояс надо поклониться человеку, у которого хватает сил и, главное, желания, — даже в ущерб лежащей на подходе диссертации, а следовательно, и научной карьере, — хватает желания возиться с ребятами, посвящать им все отпуски, все воскресенья. Казалось бы, только поддерживать такого человека, только ему помогать. Но нет, не так все просто в педагогическом мире! Фильм тем и хорош особенно, что процессы, происходящие, как правило, подспудно, в нем предельно обнажены.

Мало того, что КЮБИЗ вынужден был искать пристанища на стороне, вне стен родимой школы. Мало того, что мы сами видели разгромленным созданный ребятами живой уголок. Мало того, что сами слышали телефонный разговор, в котором директор школы, вопреки кинокадрам, свидетельствующим в это время обратное, раздраженно утверждала, что клуба нет ни в школе, ни вне ее, и говорить о нем нечего, и не будет она ничего говорить. В фильме, кроме того, присутствует письмо все за той же директорской подписью: там требуют запретить Гармаеву встречаться

с ребятами вверенной директору школы. Запретить — что? Платить любовью за любовь, преданностью отвечать на преданность? И — как запретить?

Мы видим, как свободно и радостно отплясывают ребята на фоне заката: нелегкий переход завершен, в очередной раз испытаны собственные силы, завтра с утра любезный их сердцу кропотливый сбор биологического материала. Видим, как Гармаев, воспитывающий «неправильные нравственные качества», взял слово в споре — равный среди равных, — чтоб рассказать прекрасную легенду о любви пожизненной и о благородной человеческой памяти. И нам стыдно за директора и, знаете, жалко ее, что ли: такие прорвались в ее письме откровенная ревность и административное бессилие перед великодушным разнообразием истинной жизни.

Ф ИЛЬМ о Гармаеве не одинок, это лишь одна из четырех частей цикла «Ребячьи комиссары», рассказывающего о людях, которые, каждый по-своему, пытаются внести в жизнь ребят высокий, каждодневно ощущаемый смысл. Этот, о Гармаеве, кончается вопросом: «Как сделать, чтоб ищущим, беспокойным людям было просторно в любви нашей школе?»

Так мог бы завершиться любой из четырех фильмов. Вот, например, еще один: «Воспоминания об «Искателе».

Они стоят у речной переправы, несколько взрослых людей, и с ласковой усмешливостью подбадривают своего, как выясняется, бывшего руководителя Евгения Павловича Волкова: «Еще пять минут — и все». А потом толкается в берег паром — и большая группа приехавших на нем встречается с горсткой встречающих. Объятия, поцелуи — многие из бывших «искателей» не видели друг друга все эти десять лет. И начнутся разговоры у костра: «А помнишь?». И будет прокручиваться на натянутом между деревьев экране десятилетней давности пленка.

Полторы тысячи подростков, гроза тульских улиц и тупиков, кандидаты в исправительные колонии, — все они объединились когда-то вокруг живого, быстрого, человеческого, который по роду своей деятельности — а был он редактором га-

зеты «Молодой коммунар» — вовсе не обязан был этим всем заниматься. Четыре года жили вокруг него человеческой, осмысленной жизнью, о которой сейчас, спустя десять лет, вспоминают взахлеб. А мы все больше недоумеем. Что, этот опыт работы с очень трудными, запущенными подростками не нужен другим городам? Почему молодая женщина, инспектор детской комнаты милиции, и вполнину не пережившая того, что пережил со своими непредсказуемыми воспитанниками Волков, говорит непрерываемо, без тени сомнения: «Искатель» не оправдал себя, не дал, что от него ждали...» Почему — не оправдал? Выбивался из привычных, удобных форм? Мы же видим — воспитанников «Искателем» людей!

И все это — неопенимое достоинство цикла «Ребячьи комиссары». Простая, живая путь ищущих и беспокойных, авторы его, может быть, впервые в документальном кино прослеживают вместе с тем, как преодолевают энтузиасты барьеры невнимания и равнодушия. Повторяем: скрытые от постороннего глаза конфликты здесь предельно выявлены и обнажены.

Н О ЕСТЬ и другая сторона, едва ли не более важная. Кажется, мысль эта принадлежит Чехову: люди нигде не расходятся так далеко, как в частностях. Фильм «Ребячьи комиссары» незаметно вовлекает нас в решение вот какого вопроса: ребячьи комиссары эти так различны, — чей опыт важнее сегодняшнему, именно сегодняшнему дню? Об этих фильмах идут споры: эта форма работы — прекрасна, эта — сомнительна...

И тут опять, хочется вернуться к Гармаеву. То, что он делает, имеет отношение к святой святых его воспитанников: к их учебе. У Гармаева ничего не берется на веру, не скрывается за броской атрибутикой. Они прежде всего думают, его ребята. Его цель — научный опыт, как бы ни был он на первых порах примитивен, посильное для ребят научное исследование. Но именно это — каждодневный целенаправленный труд — и оборачивается в конечном счете счастьем.

Вот эта форма работы — через целенаправленный труд, через совместный ин-

теллектуальный поиск — и кажется нам наиболее современной. Современного ребенка надо прежде всего учить думать. Но когда в одной из серий звучат слова благодарности в адрес всех тех, «кто помогает нашим мальчишкам становиться настоящими людьми», к словам этим тем не менее хочется присоединиться безоговорочно: ребячьи комиссары, какие бы пути они ни нащупывали, делают все вместе святое дело, — и пусть, действительно, им живется и работаете легче.

Хочется сказать еще одно: возбуждая нашу мысль, создатели фильма размышляют и сами. Они активны, пристрастны и линию предполагаемой дискуссии прокладывают прицельно и точно. Работа их публицистична в лучшем смысле этого слова: о вопросах, которые они поднимают, обязаны думать все, и думают все, разговор, который они так непринужденно и смело ведут — о проблемах современного воспитания — не может быть ни затянута, ни раз и навсегда отзвучавшим. Этот фильм делает неопенимое дело: не оставляя никого равнодушным, приобретает к проблемам воспитания многомиллионную армию зрителей. Создатели фильма вполне разбираются в самой, если можно так сказать, фактуре той профессии, о которой берутся рассуждать, отлично владея, в частности, двумя важнейшими орудиями воспитательной работы: юмором и неиссякаемым мажором. Чего стоит хотя бы сцена, с которой начинается фильм о Гармаеве. Ребята проводят опыт с цыпленком: «Как будет вести себя живое существо, если, куда ни кинься, оно наткнется на препятствия?» Сцена эта воспринимается как эниграф — и какой это веселый, задорный эниграф...

И хочется напомнить напоследок одну из анкет, проведенных в свое время клубом «Искатель»: «Что тебе нравится и что не нравится в людях?» И ответ на нее, который дал один из воспитанников клуба: «Нравится то, что они — люди. Очень не нравится, когда они забывают об этом».